

этого врага. "Не мог он думать двадцать лет тому назад, – пишет Шестов, имея в виду ницшеанство, – что подпольным идеям суждено вскоре возродиться вновь и предъявить свои права не робко и боязливо, не под прикрытием привычных, примиряющих шаблонных фраз, а смело и свободно, в предчувствии несомненной победы"¹⁵.

Не нам судить, кто – Бог или Сатана – победил в конце концов в сердце Шестова, определив его трактовку библейской веры. Но ясно то, что такая вера была и есть антипод любых идеалов. У этой "веры" нет ничего общего ни с православной соборностью, ни с библейским смирением. Но главное, что Бог Шестова, признающий только веру "нищих духом", сам не есть Дух. Более того, Бог у Шестова не имеет отношения к вечности, и здесь Шестов безусловно превосходит своего единомышленника С. Киркегора.

В статье "Лев Шестов и Киркегор" Николай Бердяев замечает, что Шестов – враг вечности, поскольку она от змия. "Ну а как же быть с вечной жизнью конкретных живых существ, – задается он вопросом, – вечной жизнью Иова, Сократа, несчастного Ницше, и несчастного Киркегора, и самого Л. Шестова?"¹⁶ При отсутствии вечности смыслом действий Бога становится исполнение человеческих желаний, преодоление земных несчастий, и не более. «Бог есть возвращение любимого сына Исаака Аврааму, – пишет Бердяев, – волов и детей Иову, возвращение здоровья Ницше, Регины Олсен Киркегору. Бог есть то, что бедный юноша, мечтавший о принцессе, получил принцессу, чтобы подпольный человек "пил чай"...»¹⁷. И тогда мы в порочном круге. Бесконечные возможности Бога служат лишь тому, чтобы разрешать конечные проблемы земной жизни.

К словам Бердяева стоит прислушаться. Ему ясно, что такого рода парадоксы, как у Шестова, возникают из несовместимости Библии с ницшеанством, из невозможности дать библейскую транскрипцию "философии жизни". Заметим, что, стремясь к обновлению христианства, Бердяев попадает в ту же ловушку. Его учение – это иная попытка соединить ницшеанство с христианством. Потому-то Бердяев и Шестов так хорошо подмечали недостатки друг друга.

Характерно, что Бердяеву в оценке Шестова противоречит о. Василий Зеньковский. Зеньковский изо всех сил стремится представить Шестова ортодоксом и в этой роли противопоставить религиозным романтикам начала XX в. Для него аксиома – религиозное целомудрие этого мыслителя. "Мы не знаем достаточно содержания его верований, – отмечает Зеньковский, – хотя не будет большой ошибкой сказать, что он принимал и Ветхий, и Новый Завет, – во всяком случае у него есть немало высказываний, говорящих о принятии им христианского откровения"¹⁸.

В то же время Зеньковский оспаривает мнение, согласно которому Николай Бердяев – выразитель православного направления в религиозной мысли. «Бердяева на Западе часто считают представителем "православной философии", – пишет он. – В такой форме характеристика Бердяева совершенно неверна, но, конечно, Бердяев глубоко связан с Православием, со всей его духовной установкой. К сожалению, однако, Бердяеву остался чужд богатейший мир святоотеческой мысли, хотя Бердяев одно время и интересовался им. Но, впитав в себя отдельные черты Православия, Бердяев не находил для себя нужным считаться с традицией Церкви...»¹⁹

В последней фразе – ключ к тому резкому противопоставлению Шестова Бердяеву, которое мы обнаруживаем у Зеньковского. В поисках нового религиозного сознания Бердяев пребывал всю жизнь, и этим он действительно отличался от Шестова, предложившего идти не вперед, а назад. У Бердяева задача философии – помочь созданию "неохристианства", соответствующего новой эпохе; для Шестова назначение философии в возрождении веры, утраченной в погоне за достижениями разума и прогресса, и эта разница в ориентирах очень значима для о. Василия Зеньковского. Но главный критерий оценок, которые дает Зеньковский Бердяеву и Шестову, – это отношение к *секуляризму*.

И все же, несмотря на апологию Шестова у Зеньковского, его устами говорит парадоксальная религиозность человека XIX и XX вв. Этот человек живет в эпоху кри-